

Флоренский Павел Александрович

**Столп и утверждение
истины**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Александрович Ф.**
Столп и утверждение истины / Флоренский Павел Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 820 с.

ISBN 978-5-521-28432-0

ISBN 978-5-521-28432-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

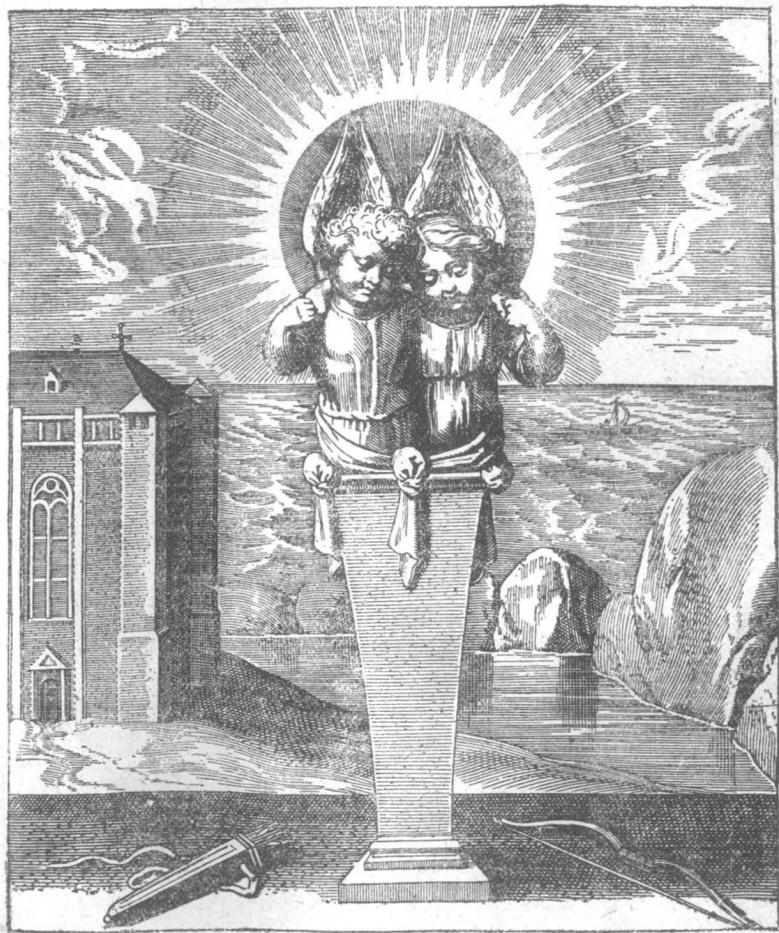
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СТОЛПЪ И УТВЕРЖДЕНІЕ ИСТИНЫ.

FINIS AMORIS, UT DUO UNUM FIANI.
ПРЕДѢЛЪ ЛЮБВИ—ДА ДВОЕ ЕДИНО БУДУТЪ.

«— Не позазрите на мя, господия мои и братіе яко юнѣйшій азъ всѣмъ вамъ, и дерзаю писати о чюдесехъ светаго. Вѣмъ бо и азъ свою худость и зазираемъ бываю совѣстію и художествомъ своимъ; паче жъ и грѣха ради моего многа пягостно ми сие великое дѣло естъ. И не мое дѣло сие естъ, но ваше древнихъ и великихъ отецъ, еже въ чюдесѣхъ преподобнаго отца нашего Сергія поучахъ и насъ грубыхъ просвѣщахъ учениемъ і въпредъ будущимъ родомъ писаниемъ возвѣщахъ. Но молюся вамъ, послушайте прилѣжно: аще азъ не буду писани, а вы тако жъ не изволите, то отъ ково повелѣніе цареве исполнится и о чюдесѣхъ сятаго кто возвѣститъ, яко жъ и прежніи не писаша толико лѣтъ? Аще бо і грѣшенъ есмь и невѣжда и неискусенъ на такое дѣло, но строение ми прилѣжнѣе і нужда ми естъ сицево дѣло начати, совершителъ же всякому благому дѣлу—Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ».

«Троице Сергіева монастыря Келарь Симонъ Азарьинъ. Лѣта 1646 года». (Изъ «Сказанія о новоявленномъ кладези»).

Е те alo. Собою питаю.

I.—КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

«Живой религіозный опытъ, какъ единственный законный способъ познанія догматовъ»—такъ мнѣ хотѣлось бы выразить общее стремленіе моей книги или, точнѣе, моихъ набросковъ, писанныхъ въ разныя времена и подъ разными настроеніями. Только опираясь на непосредственный опытъ можно обозрѣть и оцѣнить духовныя сокровища Церкви. Только воля по древнимъ строкамъ влажною губкой можно смывать ихъ живою водою и разобрать буквы церковной письменности. Подвижники церковные живы для живыхъ и мертвы для мертвыхъ. Для потемнѣвшей души лики угодниковъ темнѣютъ, для параличной—тѣла ихъ застываютъ въ жуткой неподвижности. Развѣ не извѣстно, что кликуши и бѣсноватые боятся ихъ? И не грѣхъ ли предъ Церковью заставляетъ боязливо коситься на нее? Но ясныя очи попрежнему видятъ лики угодниковъ сияющими, «какъ лицо ангела». Для очищенного сердца они по старому привѣтливы; какъ встарѣ вопіютъ и вызываютъ къ имѣющимъ уши слышать. Я спрашиваю себя: почему чистая непосредственность народа невольно тянется къ этимъ праведникамъ? Почему у нихъ находитъ себѣ народъ и утѣшеніе въ нѣмой скорби, и радости прощенія, и красоте небеснаго празднества? Не обольщаюсь я. Знаю твердо, что зажегъ я себѣ не болѣе, какъ лучинку или

копеечную свѣчку желтаго воску. Но и это, грожащее въ непривычныхъ рукахъ, пламешко миріадами отблесковъ заискрилось въ сокровищницѣ св. Церкви. Многими вѣками, изо дня въ день собиралось сюда сокровище, самоцвѣтнѣйшій камень за камнемъ, золотая крупинка за крупинкою, червонецъ за червонцемъ. Какъ благоуханная роса на руно, какъ небесная манна выпадала здѣсь богатная сила бого-озаренной души. Какъ лучшія жемчужины сбѣгались сюда слезы чистыхъ сердецъ. Небо, какъ и земля, многими вѣками дѣлало путь свои вклады. Затаеннѣйшія чаянія, сокровеннѣйшіе порывы къ бого-уподобленію, лазурныя, послѣ бурь наступающія минуты ангельской чистоты, радости бого-общенія и святѣйшия муки остраго раскаянія, благоуханіе молитвы и тихая тоска по небу, вѣчное исканіе и вѣчное обрѣтеніе, бездонно-глубокія прозрѣнія въ вѣч-ность и дѣтская умиренность души, благоговѣніе и любовь—любовь безъ конца... Текли вѣка, а это все пребы-вало и накапливалось.

. И каждое мое духовное усиліе, кажущійся вздохъ, слетаю-щій съ кончика губъ, устремляетъ на помощь мнѣ весь запасъ накопленной богатной энергіи. Невидимыя руки носятъ меня по цвѣтущимъ лугамъ духовнаго міра. Заго-раясь тѣмами темъ и леограми леогровъ¹, сверкающихъ, искрящихся, радужно-играющихъ взглядовъ, переливаясь во-ронами вороновъ свѣто-зарныхъ брызговъ, сокровища Церкви приводятъ въ благоговѣйный трепетъ бѣдную мою душу. Неисчислимы, несмѣтны, несказуемы богатства церковныя. Мнѣ можно взять себѣ часть ихъ для пользованія, для своей пользы, — можетъ ли глазъ не разгорѣться? Жадность разбираетъ меня, я хватаю первую попавшуюся пригоршню. Я еще даже не посмотрѣлъ, что—это: алмазы, карбункулы или смарагды? или, быть можетъ, нѣжныя маргариты? Я не знаю, лучше ли, хуже ли моя пригоршня, нежели все остающееся. Но,—по слову Аѳанасія Великаго—, «изъ многого взявъ немного» я знаю, что я заранѣе недо-воленъ своею работою, потому что глазъ слишкомъ раз-горѣлся на цѣнности. Что, значитъ одна-двѣ кучки само-

цвѣтнѣхъ камней, когда ихъ мѣрятъ четвериками? И я невольно вспоминаю, какъ постепенно мѣнялся въ моемъ сознаніи общій духъ работы. Сперва было предположено не дѣлать ни одной ссылки, а говорить только своими словами. Но скоро пришлось вступить въ борьбу съ самимъ собою и дать мѣсто коротенькимъ выдержкамъ. Далѣе, онѣ стали расти, ширясь до цѣлыхъ отрывковъ. И, наконецъ, мнѣ начало казаться, что необходимо отбросить все свое и печатать одни только церковныя творенія. Можетъ быть, это—единственный правильный путь,—путь прямого обращенія къ самой Церкви. Да и кто я, чтобы писать о духовномъ? «Вѣмъ бо и азъ свою скудость и зазираемъ бываю совѣстию и худоуміемъ своимъ; паче жъ грѣха ради моего многа тягостно ми сие великое дѣло естъ». И если я все-таки пригаю нѣкоторое значеніе своимъ Писѣмамъ, то исключительно подготовительное, для оглашенныхъ, пока у нихъ не будетъ прямого питанія изъ рукъ Матери,—значеніе, какъ бы, огласительныхъ словъ во дворѣ церковномъ.—

Вѣдѣ, церковности—вотъ имя тому пристанищу, гдѣ умиряется тревога сердца, гдѣ умиряются притязанія разсудка, гдѣ великій покой нисходитъ въ разумъ. Пусть ни я, ни другой кто не могъ, не можетъ и, конечно, не сможетъ опредѣлить, что есть церковность! Пусть пытающіеся сдѣлать это оспариваютъ другъ друга и взаимно отрицаютъ формулу церковности! Самая эта неопредѣлимость церковности, ея неуловимость для логическихъ терминовъ, ея несказанность не доказываетъ ли, что церковность—это жизнь, особая, новая жизнь, данная человѣкамъ, но, подобно всякой жизни, недоступная разсудку? А разномыслія при опредѣленіи церковности, возможность съ разныхъ сторонъ пытаться установишь въ словахъ, что есть церковность, эта пестрота неполныхъ и всегда недостаточныхъ словесныхъ формулъ церковности не подтверждаетъ ли намъ опытно, въ свою очередь, то, что было намъ уже сказано Апостоломъ; вѣдѣ Церковь есть плѣло Хри-

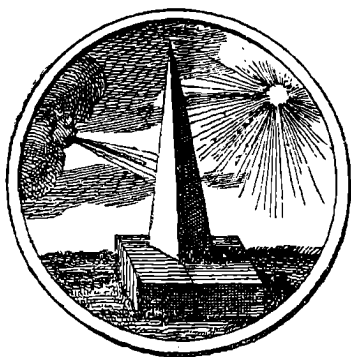
стово, «полнота (τὸ πλήρωμα) наполняющего все во всемъ» (Еф 1 23). Такъ какъ жезта полнота,—τὸ πλήρωμα—, Божественной жизни можетъ быть уложена въ узкій гробъ логическаго опредѣленія? Смышно было бы думать, будто эта невозможность что-либо свидѣтельствуетъ противъ существованія церковности; напротивъ, послѣднее таковое невозможностью скорѣе обосновывается. И, поскольку церковность первѣе отгѣлныхъ проявленій своихъ, поскольку она есть та бого-человѣческая стихія, изъ которой, такъ сказать, сгущаются и въкристаллизовываются въ историческомъ ходѣ церковнаго человечества чинопослѣдованія таинствъ, формулировки догматовъ, каноническія, правила и, отчасти даже, текуцій и временный укладъ церковнаго бѣта,—постольку къ ней, къ этой полнотѣ по преимуществу относится пророчество Апостола: «Надо бытъ и разномысліямъ между вами—*δέξι καὶ αἰρέσει, ἐν ὑμῖν εἴηαι*» (1 Кор 1 10),—разномысліямъ въ пониманіи церковности. И, тѣмъ не менѣе, всякій, не бѣгущій отъ Церкви, самую жизнь свою пріемлетъ въ себя единую стихію церковности и знаетъ, что есть церковность и что есть она.

Тамъ, гдѣ нѣтъ духовной жизни,—необходимо нѣчто внѣшнее, какъ обезпеченіе церковности. Опредѣленная должность, папа, или совокупность, система должностей, іерархія,—вотъ критерій церковности для католика. Опредѣленная вѣроисповѣдная формула, символъ, или система формулъ, текстъ Писанія,—вотъ критерій церковности для протестанта. Въ конечномъ счетѣ, и тамъ и тутъ рѣшающимъ является понятіе,—понятіе церковно-юридическое у католиковъ и понятіе церковно-научное—у протестантовъ. Но, становясь высшимъ критеріемъ, понятіе тѣмъ самымъ гблаетъ уже ненужнымъ всякое проявленіе жизни. Мало того, такъ какъ никакая жизнь не можетъ быть соизмѣрима съ понятіемъ, то всякое движеніе жизни неизбежно переливается за намѣченныя понятіемъ границы и, тѣмъ самымъ, оказывается зловреднымъ, нестерпимымъ. Для католицизма (разумѣется, беру какъ

католицизмъ, такъ и протестантизмъ въ ихъ предѣлѣ, въ ихъ принципѣ) всякое самостоятельное проявленіе жизни неканонично, для протестантизма же—оно ненаучно. И тамъ и тутъ жизнь усѣкается понятіемъ, загодя отвергается во имя понятія. Если за католицизмомъ обычно отвергаютъ свободу, а протестантизму ее рѣшительно приписываютъ, то и то и другое одинаково несправедливо. И католицизмъ признаетъ свободу, но... заранѣе опредѣленную; все же, что въ этихъ предѣлахъ, то—незаконно. И протестантизмъ признаетъ насиліе, но... тоже лишь въ заранѣе намѣченного русла рационализма; все, что въ него—то ненаучно. Если въ католицизмъ можно усматривать фанатизмъ каноничности, то въ протестантизмъ—нисколько не менѣйшій фанатизмъ научности.

Неопредѣлимость православной церковности, — повторяю,—есть лучшее доказательство ея жизненности. Конечно, мы не можемъ указать такой церковной должности, которую могли бы сказать: «Она суммируетъ въ себѣ церковность», да и къ чему были бы тогда всѣ остальные должности и дѣятельности Церкви. Не можемъ равнымъ образомъ указать мы и такой формулы, такой книги, которую можно было бы предложить, какъ полному церковной жизни, и опять, если бы была такая книга, такая формула, то къ чему были бы тогда всѣ прочія книги, всѣ прочія формулы, всѣ прочія дѣятельности Церкви. Нѣтъ понятія церковности, но есть сама она, и для всякаго живого члена Церкви жизнь церковная есть самое опредѣленное и осязательное, что знаетъ онъ. Но жизнь церковная усваивается и постигается лишь жизненно,—не въ отвлеченіи, не разсудочно. Если ужъ надо примѣнять къ ней какія-нибудь понятія, то ближе всего сюда подойдутъ понятія не юридическія и не археологическія, а біологическія и эстетическія.—Что такое церковность?—Это—новая жизнь, жизнь въ Духѣ. Каковъ же критерій правильности этой жизни?—Красота. Да, есть особая красота духовная, и она, неуловимая для логическихъ формулъ, есть въ то же время единственный вѣрный путь къ опредѣ-

ленію, что православно и что нѣтъ. Знаюки этой красотѣ—старцы духовные, мастера «художества изъ художествъ», какъ святые отцы называютъ аскептику. Старцы духовные, такъ сказать, «набили руку» въ распознаваніи добротъ качества духовной жизни. Вкусъ православный, православное обличье чувствуется, но оно не подлежитъ арифметическому учету; православіе показуется, но не доказывается. Вотъ почему для всякаго, желающаго понять православіе, есть только одинъ способъ,—прямой опытъ православный. Рассказываютъ, что плавать теперь за-границею учатся на приборахъ, — лежа на полу; точно также можно стать католикомъ или протестантомъ по книгамъ, нисколько не соприкасаясь съ жизнью,—въ кабинетѣ своемъ. Но, чтобы стать православнымъ, надо окунуться разомъ въ самую стихію православія, зажить православно,—и нѣтъ иного пути.

Sic semper.—Всегда такова.

II.—ПИСЬМО ПЕРВОЕ: ДВА МИРА.

Мой кроткій, мой ясный!

Холодомъ, грустью и одиночествомъ дохнула на меня наша сводчатая комната, когда я въ первый разъ послѣ поѣздки открьлъ дверь въ нее.

Теперь,—увъ!—, я вошелъ въ нее уже одинъ, безъ тебя.

Это не было только первое впечатлѣніе. Вотъ, я примылся и прибился. По прежнему выстроились на полкахъ ряды матеріализованныхъ мыслей. По прежнему послана твоя постель, и твой стулъ стоитъ на своемъ мѣстѣ неизмѣнно (пустъ будетъ хоть иллюзія, что ты—со мною!). На днѣ глинянаго горшечка по прежнему горитъ елей, бросая снопы свѣта вверхъ, на Нерукотворенный Ликъ Спасителя. По прежнему поздними вечерами шумитъ въ деревьяхъ за окномъ вѣтеръ. По прежнему обогрительно стучатъ колотушки ночного сторожа, кричатъ грубыми голосами паровозы. По прежнему перекликаются поутру горластые пѣтель. По прежнему около четырехъ часовъ утра благовѣстятъ на колокольномъ къ заутрени. Дни и ночи сливаются для меня. Я, какъ будто, не знаю, гдѣ я и что со мною. Безмѣрное и безвременное водворилось погдъ сводами, между узкихъ стѣнъ нашей комнаты. А за стѣнами приходятъ люди, говорятъ, рассказываютъ новости, читаютъ газетъ, потомъ уходятъ, снова при-

ходятъ,—вѣчно. Опять кричатъ глубокимъ контрабасомъ далекіе паровозы. Вѣчный покой—звѣсъ, вѣчное движеніе—тамъ. Все попрежнему... Но нѣтъ тебя со мною, и весь міръ кажется запустѣлымъ. Я одинокъ, абсолютно одинокъ въ цѣломъ свѣтѣ. Но мое тоскливое одиночество сладко ноетъ въ груди. Порою кажется, что я обратился въ одинъ изъ тѣхъ листовъ, которые кружатся вѣтромъ на дорожкахъ.

Всталъ сегодня раннимъ утромъ и какъ-то почувалъ нѣчто новое. Дѣйствительно, за одну ночь лѣто нагло-милось. Въ вѣтряныхъ вихряхъ кружились и змѣились по землѣ золотые листья. Стаями загуляла птица. Потянулись журавли, загорали воронъ да грачи. Воздухъ наполнился прохладнымъ осеннимъ духомъ, запахомъ увядающихъ листьевъ, влекущую въ даль тоскою.

Я вышелъ на опушку лѣса.

Одинъ за другимъ, одинъ за другимъ падали листья. Какъ умирающія бабочки медленно кружились по воздуху, слетая на-земь. На свалывшейся травѣ игралъ вѣтеръ «жидкими тѣнями» сучьевъ. Какъ хорошо, какъ радостно и тоскливо! О, мой далекій, мой тихій братъ! Въ тебѣ—весна, а во мнѣ—осень, всегдашняя осень. Кажется, вся душа исходитъ въ сладкой истомѣ, при видѣ этихъ порхающихъ листьевъ, обоняя

«осинниковъ поблекшихъ ароматъ».

Кажется, душа находитъ себя, видя эту смерть,—въ пренетѣ предчувствуя воскресеніе. Видя смерть! Вѣдь она окружаетъ меня. И сейчасъ я говорю ужъ не о думахъ своихъ, не о смерти вообще, а о смерти дорогихъ мнѣ. Сколькихъ, сколькихъ я потерялъ за эти послѣдніе годы. Одинъ—а другимъ, одинъ за другимъ, какъ пожелтѣвшіе листья, опадаютъ дорогіе люди. Въ нихъ осязалъ я душу, въ нихъ сверкалъ мнѣ порою отблескъ Неба. Кромѣ добра я ничего не имѣлъ отъ нихъ. Но моя совѣсть мечется: «Что ты сдѣлалъ для нихъ?». Вотъ, нѣтъ ихъ, и между ними и мною легла бездна.